

Дочь Наталія Григорьевны, Тоня, съ тринадцати лѣтъ невѣста Андрея Звягина и „любить всѣ шесть лѣтъ, какъ въ первый день встрѣчи“. Этой осенью должна состояться ихъ свадьба.

Алексѣй Григорьевичъ Свѣшневъ, братъ Наталіи Григорьевны, любитъ горничную, деревенскую дѣвушку Машу. Онъ хочетъ жениться на ней, чтобы „завязать русскій узелокъ, деревенскій, веревочный, изъ родной конопельки“...

Такъ живутъ и любятъ въ усадьбѣ Свѣшневыхъ въ день, когда ждутъ пріѣзда художника Ставищева, друга дѣтства Андрея Звягина. Есть что-то торжественное, праздничное и вмѣстѣ тревожное въ этомъ свѣтломъ осеннемъ днѣ. Слышенъ колокольный звонъ, домъ украшаютъ цвѣтами. Волнуется Наталія Григорьевна, разставляя яркія осеннія астры вокругъ портрета Ставищева. Въ ея словахъ, движеніяхъ какъ будто предчувствіе. Ревниво тревожится докторъ, которому чуждо искусство Ставищева; тревожно настроена Тоня, какъ бы уже боящаяся гдѣ-то въ далекой глубинѣ душевной за свою любовь къ Андрею.

Пріѣзжаетъ Ставищевъ. Это художникъ цвѣтовъ. Онъ любитъ и пишетъ цвѣты, и къ людямъ, къ людской любви, къ любви на землѣ у него отношеніе колориста, какъ къ цвѣтамъ.

— ...Вы странный и влекущій цвѣтокъ, — говоритъ ему Наталія Григорьевна на третій день знакомства. И въ душу ея онъ уже вошелъ властно и неотразимо. Но она „не цвѣтокъ, а женщина“. И отвращеніе Ставищева къ земной страсти ей непонятно.

Для Ставищева не въ томъ вопросъ: „любить одного, или двухъ, или трехъ, или сто“, а въ томъ, чтобы весь міръ „претворить въ одну великую, цѣломудренную во всемъ разнообразіи и во всей красотѣ, еще небывалой, любовь“.

И онъ, ловецъ душъ, „сѣверный Дон-Жуанъ“, не останавливается надъ однимъ цвѣткомъ. Ему навстрѣчу раскрылась и душа Тони. „Одинъ былъ небожитель, — говоритъ о немъ съ горечью Наталія Григорьевна въ послѣднемъ актѣ: — взглянулъ: ахъ цвѣтокъ! А рядомъ цвѣтокъ помоложе; къ нему! И хоть самъ опалился на немъ, да первый уже подъ ногой“...

Чувства матери и дочери встрѣтились, столкнулись. Гроза за окномъ, быстро несутся тучи, и Тоня у руля поэтъ Ставищевъ и для Ставищева: «Ich liebe dich in Zeit und Ewigkeit» Гроза за окномъ. Поздняя, осенняя гроза. Какъ гроза пришелъ Ставищевъ, опалилъ какъ молнія, разрушилъ, приопалъ къ землѣ цвѣты.

такую помощь. Исполнитель хорошо старался быть загадочнымъ, какимъ-то Uebermensch'емъ въ любви, выразительно произносилъ то, что полагалось по роли. Что могъ онъ сдѣлать больше?.. Много усилій и таланта истратилъ г. Аслановъ, чтобы вышелъ живымъ и какъ-нибудь интереснымъ «святой чудакомъ», Алексѣй Григорьевичъ, попахивающій лампаднымъ масломъ. Но Алексѣй вышелъ изъ рукъ своего творца, авторъ, такъ безнадежно погубленнымъ, что уже не было спасенія, и усилія г. Асланова были напрасны. Еще есть помѣщикъ, русскій французъ или французскій русскій. Г. Карѣвъ жестоко отмстилъ автору за плохую роль — отнять у нея послѣдніе остатки правдоподобія и интереса.

Наконецъ, есть еще старикъ-мужикъ, Ефимъ охотникъ. Про этого мужика я слышалъ и читалъ, что это замѣчательный образъ, и что замѣчательно играетъ его г. Нероновъ. Позвольте остаться при особомъ мнѣніи. Никакого нѣтъ образа, самый обыкновенный театральнѣйшій мужикъ, какихъ сколько угодно. И играетъ его г. Нероновъ только по установленному для такихъ театральнѣйшихъ мужиковъ положенію. Вовсѣ не плохо, но и не такъ, чтобы сколько-нибудь этимъ заинтересоваться. Г. Нероновъ — отличный актеръ, и не мало уже похвалъ сложилъ я ему. Но когда говорятъ, что онъ замѣчательно играетъ Ефима, — недоумѣвая, развожу руками...

Старый другъ.

Утро России

„Любовь на землѣ“.

(Театръ Незлобина).

Какъ много любить на этомъ маленкомъ клочкѣ земли! Кажется, что старый помѣщичій домъ, и багряный осенній лѣсъ, и поляны и садъ, гдѣ стучитъ упорный дятель, полны любви. И полны страданія, ибо такова судьба любовная, открывающая сердца для печали, въ часть, когда протянутыя руки тщетно ищутъ близкаго.

Въ усадьбѣ Свѣшневыхъ живутъ мать и дочь. Мать, Наталія Григорьевна — сѣдая уже, но молодая и порывистая, какъ дѣвушка. Ей вѣрно служить влюбленный въ нее тихій, немолодой докторъ, видящій въ ней послѣднюю возможность счастья въ своей безцвѣтной, клонящейся къ забатѣ жизни. Ея близости добивается Десаль, помѣщикъ-французъ, живущій обыкновенно за-границей, чуждый русской жизни и понимающій лишь, что „умѣють любить русскія женщины“.